

«Судьба человека в современном мире», и упраздняет ли консерватизм ценность человеческой свободы

В.А. Никонов. Тема первого доклада звучит достаточно необычно, потому что консерватизм человеческую свободу ставит всегда на первое место.

Текст Н.А. Бердяева 1934 года «Судьба человека в современном мире» – очень необычный. Сначала немного предыстории. Все, конечно, помнят цитату из послания Федеральному Собранию: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме». Это цитата из работы Бердяева 1922 года «Философия неравенства». Как известно, от этой своей работы он впоследствии если не отрекся, то весьма далеко отошел. Работа эта писалась в 1918 году, в большевистской Москве, когда Бердяев работал в лавке имажинистов, торговал книгами вместе с Сергеем Есениным на Большой Никитской. Обращена она на «вы», ее адресатом являются большевики, те, кто сделал революцию: «вы не понимаете...», «вы не оценили...», «вы не знаете...». Работа эта написана в совершенно особом пафосе, пафосе бердяевского аристократизма.

В 1905 году в «Вопросах жизни» в статье «К. Леонтьев – философ реакционной романтики» Бердяев трижды анафематствует Константина Леонтьева и говорит, что Леонтьев – сатанист, он искажил историческое христианство, построил христианство на страхе, а не на любви и свободе. Наступает революция, и Бердяев, перед тем как уехать из Москвы, перед тем как он был выслан в 1922 году, пишет параллельно две книги – «Философия неравенства» и «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли». Оценка Леонтьева совершенно меняется. Из сатаниста, из человека, который искажил христианство, Леонтьев превращается чуть ли не в настоящего аристократа, подлинного барина, человека, который понял, что общество сословно, иерархично. Минус меняется на плюс. Вот это Бердяев образца 1919–1922, 1923 годов.

Отмечу интересную цитату из «Философии неравенства», которая, как некая топка, повторяет соловьевскую цитату из «Оправдания добра»: «...государство существует не для того, чтобы превратить земную жизнь в рай, а для того, чтобы помешать ей окончательно превратиться в ад»¹. Эта идея вошла в Социальную концепцию Русской православной церкви, правда, замечу, без слова «окончательно». У Владимира Соловьева эта цитата выглядит, может быть, даже более христиански.

По сути, консерватизм, не имея большого творческого потенциала, творческой ценности, является неким охранительным началом, которое позволяет обезопасить нашу жизнь до временного разрушения, хаоса, деградации и дегу-

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. С. 55.

манизации. Последняя тема для Бердяева очень важная – он много пишет в это время о кризисе искусства, о потере образа человека, о Пикассо.

Но вот начинается некая эволюция Бердяева в эмиграции, может быть, связанная с тем, что тот образ нового средневековья Муссолини и национал-социализма, который маячит на горизонте, оказывается Бердяеву зловеще узнаваемым. Ведь сам Бердяев в 1923 году в Берлине издаст брошюру «Новое средневековье», где будет говорить о конце гуманистической эпохи, конце Просвещения, о том, что явится культура мифа, культура масс, культура коллективного действия, культура новой общественности, культура нового рыцарства. И вот он видит, как это новое средневековье наступает, может быть, еще не факельными шествиями на мюнхенских стадионах, но наступает. И здесь начинается какой-то период осмысления и, может быть, переоценки ценностей.

«Судьба человека в современном мире» 1934 года – это как раз та работа и то время, где Бердяев определенным образом соотносит свое представление об истории, о трагедии истории, о том, как делается сегодня история, с двумя фетишами национал-социализма и коммунизма. Происходит некий поворот Бердяева от антиэгалитаризма, аристократизма, философии неравенства, может быть, даже к некому признанию ценностей социализма, ценностей коллективности, показателем чего являются две реакции, две рецензии на эту работу. Во-первых, рецензия, вышедшая в «Известиях» 10 декабря 1935 года, которая принадлежит Николаю Ивановичу Бухарину, прочитавшему «Судьбу человека в современном мире» в немецком переводе. Статья Бухарина огромная – два больших известинских подвала. Называется она «Философия культурного филистера». Бухарин подробнейшим образом разбирает Бердяева, негодуя и всячески понося ренегата, филистера, эмигранта. Но в каких-то местах тональность заметно проскальзывает не то чтобы в пользу Бердяева – защищать Бердяева Бухарину, тогда еще идеологически ответственному человеку, нельзя. Но он отмечает то, что для Бердяева не безразличным оказывается ценность личности, которая для марксизма, для советской культуры проявляется в общественном действии, в социуме, коллективной собственности, где снимается отчуждение человека от продукта его труда. Может быть, здесь есть какой-то бухаринский намек на надвигающийся сталинский 1937 год, он пытается как-то отстоять автономию человеческой личности в тотальности политической истории.

Другая рецензия, совершенно противоположная, появляется в парижской газете «Возрождение», консервативной, монархической газете: под псевдонимом Павел Сазанович кроется русский философ, литургик, богослов Владимир Николаевич Ильин, который ходил к Бердяеву, учился у него, посещал его дом в Кламаре, был, можно сказать, его другом. И вдруг резко осуждает эту бердяевскую книгу, называя ее «идеологическим возвращением»: «Замысел Н.А. Бердяева дышит люциферической гордыней. Этот замысел может быть определен как стремление примирить Сына Человеческого с духом бесчеловечной жестокости и богоборчества, с духом революции. Что не удалось бы и самому Богу – должно удалиться Н.А. Бердяеву. Срыв на этих путях неминуем. Как сказал один мыслитель: “Такая философская тропинка ведет к добру лишь в том случае, если с нее решительно сворачивают”. Гордый Бердяев не желает сворачивать – и рушится, как в мыслях, так и в языке».

Псевдоним Сазановича быстро раскрывается, Бердяев понимает, что его бывший друг и ученик совершил откровенную подлость против него. Самобичующий Ильин пишет Бердяеву серию писем, оправдывающихся и извиняющихся за этот демарш, но все равно в письме от 10 февраля 1935 года говорит ему: «Нет, дорогой Николай Александрович, я никогда не прощу кучеру, соблазнившему Вас... Адская мука увеличивается тем, что и соблазненная красавица

остаётся красавицей и чувство к ней не проходит. Так и я буду постоянно любить Вас, хотя и стараюсь всячески отомстить Вам и “кучеру”».

Кто же этот «кучер», который соблазнил Бердяева? Это революция, это идея революции, это кумир революции, если говорить языком Франка. Потому что в этой книге Бердяев говорит, что история немыслима без революции и у народа есть право на революцию. По сути, он признает революцию как реальную действующую историческую силу, а это уже вовсе не консерватизм «Философии неравенства», это совершенно иная позиция. Бухарин ищет у Бердяева каких-то ноток, которые позволят ему в общемарксистском дискурсе хоть как-то спасти личность, как-то акцентировать внимание на том, что в начале марксизма стояла идея возвращения человеку его человеческой природы, а значит, и его свободы, что марксизм пришел с тем, чтобы раскрепостить человека и вернуть ему его человечность. В наименьшей степени это, наверное, можно отнести к тридцать четвертому году. Судьба Владимира Ильина будет очень интересна – изгнанный из Сергиевского богословского института, он окажется в сорок первом году в Берлине, на стипендии Геббельса, будет печататься в русскоязычных антисемитских нацистских изданиях, и в этом выборе, между большевизмом и нацизмом, Ильин, в отличие от Бердяева, выберет нацизм. Впрочем, об этом можно сказать весьма относительно, потому что в сорок третьем году Ильин вернется в Париж и будет писать о великом продолжателе русских императоров, великом Сталине. Точно так же, как и Бердяев в сорок пятом году будет сидеть у русского посла Дмитрия Абрикосова под портретом Иосифа Виссарионовича и пить за его здоровье. Этот выбор, в соответствии с которым Бердяев осознает какую-то ценность и неизбежность русского коммунизма, а Ильин мечется в сторону национал-социализма, в сторону Гитлера, который пришел с лозунгами борьбы с марксизмом, борьбы с коммунизмом, этот выбор весьма показателен.

Если внимательно посмотреть на «Судьбу человека в современном мире» и на то, что Бердяев хочет сказать, то нельзя не увидеть в этом вовсе не апологию революции или стремление к новой общественности, лучше выражающей себя в коммунизме, чем в нацизме, а продолжение идеи Достоевского о том, что «идеология», «идеократия» и «мировоззрение» являются некими тисками, которые душат человеческую свободу, не позволяя человеку быть подлинно человеком. «Русский коммунизм и немецкий национал-социализм, – пишет он, – диктатуры метасозерцания, диктатуры над духом. Поэтому культура коммунистическая и культура национал-социалистическая – есть культура социального заказа. Это принимает уродливые формы в России и Германии. Деятели культуры задыхаются. Так осуществляется идея коллективной, всенародной культуры, о которой мечтали некоторые творцы культуры в конце XIX и в начале XX века – Рихард Вагнер, у нас В. Иванов и символисты. Так преодолевается индивидуализм в культуре. Наступает конец Ренессанса, о котором я много раз писал. Есть ли в этом хоть какая-либо доля правды и можно ли этому противопоставлять старый индивидуализм и либерализм? Думаю, что есть большая доля правды и что нельзя этому противопоставлять индивидуализм и либерализм, которые совершенно выветрились и разложились. Верно понимание культурного творчества как служения сверхличной цели. Эгоизм интеллектуального слоя не может быть оправдан. Идея служения почти совершенно исчезла в ренессансную и либеральную эпоху. Но идея сверхличного служения не только не противоположна свободе духа, свободе творчества, но она реализуема лишь через эту свободу. Творческое служение есть служение вольное, оно не может быть уподоблено трудовой или воинской повинности. Диктатура над духом не только лишает творчество свободы, но она подкупает

творцов культуры и требует от них предательства, располагает к сервиллизму и заставляет исполнять из-под палки государственные заказы. Диктатура мирозерцания парализует совесть творцов, и лишь героическое сопротивление свободной совести может ей противостоять».

Поразительная цитата. Социальный заказ, диктатура мирозерцания, удушение духа, и в то же время идея сверхличного служения, идея свободы творчества, идея «свободы для», а не «свободы от». Это некая извечная антиномия в бердяевском творчестве, когда стремление победить, освободиться от всяческих объективаций – в лице церкви, государства. Приведу один пример. В 1997 году мне посчастливилось дважды побывать в домике Бердяева в Клармаре, который принадлежит по его завещанию Русской православной церкви. Сейчас там живут останавливающиеся в Париже священники. В кабинете все сохранено без изменений, и я имел возможность посмотреть и книги его с пометками и закладками, и самое главное – молитвослов, который лежал на рабочем столе Бердяева с многочисленными закладками и пометками. Бердяев, который в сознании церковной интеллигенции выступает чуть ли не как еретик и который постоянно поносит епископов, автор статьи «Дух Великого Инквизитора» об осуждении Булгакова в тридцать пятом году, где он прямо сказал: епископы только и делали, что гнали церковь, уничтожали церковь, давили церковь – и в то же время этот антиклерикал Бердяев каждый день открывает молитвослов, читает ежедневные правила, делает пометки... Удивительно антиномическая личность!

Собственно, что такое консерватизм? Я здесь перехожу к общим вопросам и излагаю исключительно свой взгляд, а вовсе не какие-то канонические политологические идеи. Что он консервирует? Что призван он консервировать? Политические формы, идеи, институты, ценности? Нет, прежде всего консерватизм призван консервировать человеческую свободу, каким-то образом ставить в определенные рамки человеческую свободу, потому что консерватор считает, что человек от природы зол – и если не зол, то по крайней мере природа человеческая поражена грехом. Природа может быть и добра, но она поражена грехом. Природное в человеке несет на себе Каинову печать, эту природу нужно поставить в определенные рамки, нужно поставить над этой природой что-то более высокое: благодать, культуру, веру – то, что относится к ценностной сфере. Речь не идет о том, что мы отказываемся от свободы, следуя логике консерватизма. Речь идет о том, что свобода человека, которая начинает пониматься как свобода эго, свобода самости, свобода ко Злу, должна быть перенаправлена, должна превратиться в творческую свободу, свободу созидующую, а не разрушающую. И это постоянная мысль Бердяева – философия творчества. Что может заставить человека перестать делать зло и начать творить добро? Исключительно уподобление Богу, обретение в себе образа и подобия Божьего. А что такое образ и подобие, по Бердяеву? Образ – это свобода, подобие – это творчество. Поразительным образом архимандрит Киприан (Керн), который был другом Бердяева и таким же аристократом (я как-то погрузился в его библиотеку в Сергиевском институте – там до сих пор все пахнет лавандой, он перекладывал книги какими-то ароматическими цветами, он любил Леона Блуа – их общая с Бердяевым любовь к этому католическому фанатику, апокалиптику и изысканному писателю с трагической судьбой, такому французскому Константину Леонтьеву), он в предисловии к «Антропологии святого Григория Паламы» абсолютно воспроизводит эту бердяевскую мысль о том, что такое образ и подобие, – это свобода и творчество. Так вот Бердяев верит, что, найдя в себе этот потенциал творческой свободы в духе, мы перестанем делать зло и начнем творить добро, продолжая миротворение Бога. Что это – консерватизм или либерализм? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, как и вообще на

вопрос, консервативна ли русская философия или либеральна. У меня ощущение такое, что русская религиозная философия в ее основном тренде больше левая, чем правая, но это не значит, что она консервативная или либеральная, она устремлена к неким ценностям коммюнитарности, социальности, социализма, народа. Русская идея – что это? Это романтическая идея народа, идея нации, это дух нации, который мы должны понять и постичь. Она больше левая, чем правая. Конечно, можно охарактеризовать эти взгляды как своего рода либеральный консерватизм, но с каким-то разным акцентом: либо на либеральном, либо на консервативном.

Еще пару слов скажу о «Судьбе человека в современном мире». Это брошюра в пятьдесят страниц. Она интересна самой постановкой вопроса. Многие ли нынешние публицисты сейчас ставят так вопрос: «Судьба человека в современном мире»? Мы говорим о судьбе России в современном мире, о геополитике, о месторазвитии, о тенденциях в глобализации или, наоборот, многополярности; а человек у нас куда-то делся, и он нас особенно не интересует. Сколько времени мы обсуждаем вопросы однополых браков в Европе? Материнство – это либо нечто чисто репродуктивное, либо это святыня. Если мы говорим: давайте будем относиться к этому как к чистому механизму, то исчезает фундаментальная, базисная, ценностная основа нашей отечественной культуры, где не только мать свята, но и мать сыра земля свята (по Достоевскому). Мы не задаем себе сегодня этих вопросов, кроме редких исключений (Сергей Сергеевич Хоружий выпустил недавно книгу «Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии», где он с фонарем ищет человека, спрашивая: «Что такое человек сегодня? Что такое человеческая природа?»). И вот Бердяев в 1934 году пишет поразительную книгу, где говорит, что современная история делается из чувства трагического одиночества и богооставленности современного человека. Поэтому и те болезни, и те проблемы, которые возникают в истории, вытекают из той философии человека, в которой человек одинок и покинут. Он цитирует Хайдеггера, Селина, обращается к опыту французского экзистенциализма, который только начинается. Он говорит о том, что, как мне кажется, и нас сегодня касается: кризис христианской культуры; суд над христианством, который вершится нехристианской культурой; репоганизация, то есть возвращение к ценностям античного мира, ценностям стоицизма.

Если мы посмотрим, какие ценности сегодня руководят нами. Что такое брак? Это не таинство, не союз, а юридический акт, связанный с распределением собственности. Христианство лишь некую поверхностную вуаль набросило на брак, который на самом деле есть античное понятие. И, дескать, давайте мы сегодня отбросим христианское понимание брака и вернемся к тому, как он понимался в римском праве. И в очень многих вещах мы сегодня возвращаемся к ценностям *raх romanus*, к ценностям античного мира, пытаюсь именно на этом утвердить ценностную философию человека, даже гуманизм как ценность человека в его природной этико-эстетической норме, где мы можем совершать прямые модуляции над его телом, даже над его бессмертием – заморозить, разморозить, клонировать. Если бы античность могла это делать, она, думаю, спокойнее это делала бы, потому что здесь человек воспринимается прежде всего как тело, *somo* – это есть предельная идентичность человека.

Впрочем, здесь мы уже далеко уходим от Бердяева – тема нашего форума не сводится исключительно к Бердяеву. Но хотел бы еще раз акцентировать, что нам стоило бы так же поставить вопрос о судьбе человека в современном мире. Что такое человек сегодня? Как он ощущает себя? Как он расположен в системе ценностей и координат – христианской, античной,

секулярной, постсекулярной? Насколько важно для него национальное измерение? Мы видим сегодня, что тема нации в ее экстраординарной форме возвращается в трагических событиях на Украине. Мы недавно проводили конференцию памяти Георгия Дмитриевича Гачева – 1 мая ему исполнилось бы 85 лет, – человеку, который все свое творчество посвятил национальным образам мира. Я процитировал его статью 1994 года в «Вопросах философии», где всё, что сейчас происходит на Украине, описано. Этот чудовищный ремейк нацизма и национализма. Гачев об этом предупреждал как русско-болгарский еврей, который чувствовал в себе эти пересечения – что будет, если вдруг эти сны, которые нации видят порознь, станут явью и каждая будет утверждать, что ее сон – единственная действительность, которая претендует на исключительную тотальность. В этом смысле Гачев – продолжатель Бердяева, его наследник.

В.А. Никонов. Заход оказался более широким, чем постановка нашей проблемы. Вы оттолкнулись от «Судьбы человека в современном мире»... И все-таки: упраздняет ли консерватизм ценность человеческой свободы?

А.П. Козырев. Вопрос риторический, ответ на него – не упраздняет. Но ограничивает. Еще Бродский писал: «Бог ограничен, а человек – ограничен».

В.А. Никонов. Ответ – нет. Хорошо. Кто хотел бы вступить в дискуссию?

М.М. Мчедлова. Мне было приятно услышать такой замечательный историко-философский доклад. У нас на подобном уровне очень редко проходят обсуждения. В этом большая заслуга организаторов конференции. Мне кажется, здесь можно вычленил ряд проблем, которые применимы к современным поискам интерпретации приемлемости консерватизма и как идеологии, и как целостной совокупности политических практик. Проблема личности – это то, что сегодня нужно акцентировать. Проблема гуманизма и у Бердяева, и сейчас в докладе прозвучала сквозь призму двух проблем. Первая – проблема ценностной иерархии: как выстраивается современная иерархия ценностей, что стоит на вершине пирамиды, а что вообще элиминируется. Второе – проблема наполнения ценностей. Может ли ценность быть чисто нормативно-правовой (например, при неоинституциональном подходе такое возможно); либо она несет в себе нечто большее – от трансцендентности и богосоотнесения, если мы находимся в этой системе координат; либо в ином наполнении, но представляет собой нечто, являющееся ориентиром для развития и не поддающееся формализации в том виде, о котором говорил Алексей Павлович [Козырев. – *Ред.*], в политико-правовой плоскости. И еще один момент, который, мне кажется, может и должен прозвучать: консерватизм (в том числе и у Бердяева, когда он подвергает резкой критике тотализацию видения истории сквозь призму нации, – это именно то, что относится к консерватизму как к стилю мышления) –

принципиальная нередуцированность культур к определенному образцу. Этот социокультурный плюрализм, который выступает на авансцену и теоретических интерпретаций, и политических практик, во многом заложен в консерватизме, который возник после Французской буржуазной революции и получил затем развитие в философской и политической мысли России. Из таких постановок проблем возможны кристаллизация и идейное наполнение политических практик... Я с таким удовольствием прослушала философский доклад. Спасибо большое.

А.П. Козырев. Мне кажется, что у Бердяева «либерализм» и «консерватизм» – это понятия операциональные, они не являются некоей самоценностью. Константин Леонтьев писал, что в эпоху подвижности, в эпоху разложения, таяния надо быть консерватором; в эпоху развития, зарождения, в эпоху становления надо быть либералом. И в историческом опыте Бердяева мы видим сходные вещи: он в наибольшей степени консерватор именно в годы революции, в те пять лет после 1917 года, которые он проживает в России, с 1917 по 1922-й. Здесь появляется самый аристократический тон в его философии, от которого потом зажжется Питирим Сорокин, потому что два русских учителя Питирима Александровича Сорокина – это Леонтьев и Бердяев. Хотя он больше ссылается все-таки на Леонтьева – с Бердяевым же они современники и в чем-то оппоненты. Как только Бердяев попадает в эмиграцию, как только он видит «подморозку» – коммунизм «подморозил» Россию, нацизм «подморозил» Германию, – нельзя уже быть последовательным консерватором, надо быть апологетом свободы.

М.М. Мчедлова. Мне кажется, это нормально, потому что консерватизм – это всегда реакция на разрушение: либо ценностных основ, либо установившегося порядка, либо вообще бытие. Консерватизм и возникает как реакция на Великую французскую буржуазную революцию и все остальные безумные потрясения. Чтобы цивилизация не умерла, возникают,

в том числе, и идеологические, и политико-практические ответы. Консерватизм – это, конечно, не, как у нас зачастую представляют в околопублицистическом дискурсе, консервация архаики, неспособность к развитию. Нет, наоборот, в консерватизме заложен большой потенциал для развития с сохранением самобытности, без потрясений социальной ткани.

В.А. Никонов. Либерализм возникает изначально как желание урвать что-то у государства. Локк формулировал задачи британской аристократии: урвать у короны как можно больше. Когда государство рассыпается, то мир видится под совершенно иным углом зрения.

М.М. Федорова. Я тоже с большим удовольствием прослушала доклад и благодарна Алексею Павловичу за саму постановку проблемы – проблему свободы в консерватизме, – которая обычно в таком плане не ставится. Считается, что проблема свободы – это либерализм. Любая политическая философия, любая политическая идеология говорит в первую очередь о свободе. Другое дело, о какой свободе и каким образом это понимается. Сама постановка вопроса о свободе в консерватизме, на мой взгляд, имеет принципиальное значение. Хотела бы автору немного возразить. Проблема свободы в том аспекте, о котором вы сказали, выходит за рамки каких бы то ни было идеологических установлений и ограничений. Я не понимаю, честно говоря, почему мы пытаемся Бердяева поместить в какие-то консервативные рамки. На мой взгляд, эта личность настолько масштабная, настолько яркая, настолько уникальная... Масштабная личность всегда выходит за рамки. Концепция свободы по Бердяеву – это философская концепция, и то, что вы говорите о Бердяеве, определяя его понятие «свободы» как такого широкомасштабного творчества, исторического творчества, духовного творчества, попытки личности выйти за собственные пределы, это выше всяких идеологий. Я поостереглась бы здесь ставить какие-то рамки и границы. Но сама проблема свободы в консерватизме

очень интересна, и эта тема – одна из принципиальных, которые нужно обсуждать.

А.П. Козырев. Полностью с вами согласен. Интересно, что после Бердяева слово «свобода» появлялось в русской философии в совершенно оригинальных контекстах. Например, Федотов – «Пушкин как певец империи и свободы». Или Левицкий – «Свобода и ответственность». Франк – «Культура и свобода». Свобода всегда предполагает некую антитезу, вторую сторону антиномии, без которой сама свобода летит в тартарары.

В отношении того, что вы сказали о философии и идеологии, я, конечно же, соглашусь. Но это не отменяет вопроса о том, должна в идеологии присутствовать какая-то философия, или идеология – это такой технический продукт, профанный, который существует для манипуляций.

В.А. Никонов. Двадцать лет назад была написана программа Партии российского единства и согласия. Будучи в Государственной Думе, она вырабатывала свою идеологию. Этот документ был написан вот этой рукой и назывался он «Консервативный манифест». Одна из первых его статей гласила: «Для консерваторов священно понятие “свобода”, но свобода упраздняет себя если...». Некоторые «если» там были из разряда прозвучавших сейчас.

Н.В. Злобин. Вопрос об ограничениях: что происходит с идеологией государства? У нас в Конституции запрещена идеология. Бердяев поднимает этот вопрос? Государственная идеология – это ограничение личной свободы?

А.П. Козырев. Бердяев нес на себе крест, наследие русских народников и русских анархистов. Он надеялся, что может быть некая общественность (слово, которое мы никогда не встретим у Ленина – у него нет слова «общественность»). Эта общественность может как-то организоваться, стать религиозной, открыться в духе. Это *Gemeinschaft*, а не *Gesellschaft*, не как безличное общество, не как государство, которое отчуждает от человека его свободу.

Может быть, в личном круге общения Бердяеву иногда такие формы общения удавались – Вольная академия духовной культуры в Москве, Религиозно-философская академия в Париже, журнал «Путь». Хотя он часто ссорился и выходил из этих сообществ – например, из Братства Святой Софии, которое он покинул, написав, что Братство не является братством. А на уровне государства, мне кажется, он для себя этот вопрос не решал, он всегда трансцендировал себя поверх государства, поверх каких-то политических форм, будь то коммунизм, империя, национал-социализм, то есть он искал этой свободы в каких-то более тесных и непосредственных формах общения. Но важно, что это общение было для него необходимо. Это не творческий индивидуализм Гершензона в «Вехах», творческое самосознание, где я ушел в себя, в свою «конуру», в свою пещеру, и там сижу, читаю декабриста Кривцова, например, а это какое-то действительно сообщество. Это сообщество может состояться в церкви, но это не та церковь, в которой были крестовые походы или костры Великого Инквизитора, а какая-то другая церковь – церковь Третьего Завета, которого он чаял. Скорее в церкви, чем в государстве. Я не думаю, что Бердяев отчетливо видел какие-то формы идеального государства, что они были для него возможны. Он мог приветствовать или не приветствовать. В поздних работах он мог аплодировать Михаилу Ивановичу Калинин, который на съездах ВКП(б) говорил о советском образовании, о необходимости поиска каких-то гуманных форм в образовании. Но не было у него, как у Платона, модели идеального государства.

Б.В. Межуев. Единственное произведение, единственный период, когда он рассматривал проблему государства, – это период, когда он начал тяготеть к корпоративному государству, «Новое средневековье» (1923), где он говорит, что наступает эпоха корпоративного государства, и видит в этом позитив. Но он разочаровался в этом очень быстро. В поздних его работах – явная тема безгосударственности, не в смысле, что он враг государства, а в смысле, что миссия русского народа, «русская

идея» носит только сверхгосударственный характер. При этом нельзя сказать, что он был анархистом.

Н.В. Злобин. То есть по нему государство способно предложить идеологию обществу?

Б.В. Межуев. Я не думаю, что он в принципе об этом много размышлял. Мне кажется, для него тема идеологии была совершенно нерелевантна, он воспринимал идеологию как совершенно отчужденное.

А.П. Козырев. Я не зря провел параллель с цитатой Соловьева, что государство и право необходимы, чтобы до времени не оказаться в аду, государство выполняет эту функцию, действительно консервативную, выполняет ее плохо, выполняет хорошо, может по-разному ее выполнять. Но, так или иначе, это не есть святыня, перед которой нужно молиться.

Б.В. Межуев. У него было парадоксальное тяготение к реакционным мыслителям – он написал книгу о Леонтьеве. В «Философии неравенства» он постоянно ссылается на Жозефа де Местра как...

А.П. Козырев. Блуа. В четырнадцатом году у него вышла большая статья о Блуа.

Б.В. Межуев. То есть он видел в этом какую-то правду – не правду государственной идеологии, а именно неравенства, иерархии. Это была у него какая-то внутренняя проблема, потому что одновременно он был человек очень эгалитарный. Но одновременно чувствовал, что неравенство, иерархия имеют важное значение для поддержания общественного порядка, даже не порядка, а чтобы именно все в хаос не впало. И он очень любил соловьевскую фразу из «Оправдания добра» и постоянно использовал ее. Страх того, что возможно нивелирование всех иерархий, у него был, и он ценил Леонтьева. И здесь он видел какую-то правду – не просто консерватизма, но даже реакции. Одновременно с этим левые настроения у него все равно были, и они в конце стали наиболее сильными, если брать конец его творчества.

О.К. Авдеев. Мне очень понравился доклад. Консерватизм свободу не ограничивает. Тут получается некий зазор. С одной стороны, по определению, он – нечто ограничивающее. С другой стороны, понятию «свобода» он не чужд, и человеческой личности, ее значимости. И тут возникает вопрос: что именно ограничивает консерватизм? Есть две цитаты, имеющие между собой нечто общее. Самого Бердяева: «Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать». И Катков, главный редактор «Московских ведомостей»: «Чуткий, понимающий себя консерватизм не враг прогресса, нововведений и реформ; напротив, он сам вызывает их в интересе своего дела, в интересе хранения, в пользу тех начал, которых существование для него дорого; но он с инстинктивной заботливостью следит за процессом переработки, опасаясь, чтобы в ней не утратилось чего-либо существенного. Истинно-охранительное направление, в сущности, действует заодно с истинно-прогрессивным».

Мне представляется, что консерватизм не против свободы личности, не ограничивает ее как таковую, он пытается способствовать развитию личности, чтобы свобода личности реализовывалась в некоторых рамках, даже если не прямыми запретами и ограничениями, то по крайней мере наличием оценки. Разница в том, что либерализм не дает оценок: «я имею право голосовать за кого хочу; верить, во что хочу; участвовать в инициативах, как я пожелаю нужным». Это не оценивается. А консерватизм предполагает возможность регулирования этого, по крайней мере на уровне оценки: есть развитие в правильную сторону, есть в неправильную; есть путь к Богу, есть путь в ад.

Н.В. Злобин. Кто оценивает-то?

О.К. Авдеев. Ну, консерватизм предполагает всегда наличие некой абсолютной шкалы ценностей, поэтому консерватизм везде разный, потому что эти шкалы везде различные.

Именно в этом сложность. Ограничения бывают разные; слово «свобода» тоже имеет много разных значений. Есть свобода воли, которую у меня отнять, если верить экзистенциалистам, невозможно вообще: даже находясь в тюремной камере, связанный по рукам и ногам, я могу думать, что я прав. Есть свобода фактическая: вот я могу выйти сейчас на улицу и совершить правонарушение, меня, может быть, за него накажут, а, может быть, и нет. Есть свобода юридическая: я имею юридическое право нечто сделать и не быть за это наказанным государством. Есть еще четвертая, общественная: меня накажет за это не государство, а сосед осудит и не будет со мной общаться.

Консерватизм, в отличие от некоторых тоталитарных идеологий XX века, выступал не за принудительное ограничение человеческой свободы, а только за то, чтобы проявления этой свободы оценивались. Я не знаю, согласитесь ли вы со сказанным мною вдогонку – как согласить ограничительные тенденции консерватизма и мысль о том, что человеческая свобода им, тем не менее, признается.

В.А. Никонов. Поскольку первый час нашей дискуссии уже прошел, давайте подведем черту. Напомню, в этой подсекции центральный вопрос: «Упраздняет ли консерватизм человеческую свободу?», ответ: «Нет, не упраздняет». Но дальнейшая дискуссия будет идти относительно того, о чем мы с вами говорили: что, как и в какой степени ограничивает эту свободу. Потому что, действительно, неограниченная свобода просто себя упраздняет, превращаясь в хаос. Есть такие понятия, как мораль, право, и они будут ограничивать свободу. Есть права человека, которые тоже будут ограничивать свободу, так как права есть не только у тебя, но и у другого человека. Есть набор таких вещей, которые могут ограничивать свободу, не прибегая к государственной идеологии.

Подводя черту под темой «Судьба человека в современном мире», мы благодарим Алексея Павловича Козырева за интересный и содержательный доклад и передаем слово Олегу Константиновичу Авдееву.